

Въ первыя минуты они оба не говорили ни слова. Затѣмъ Дюруа, чтобы сказать что-нибудь, произнесъ:

— Этотъ Фирменъ, кажется, очень умный и образованный человекъ.

Старый поэтъ пробормоталъ:

— Вы находите?

Молодой человекъ, удивленный, не зналъ что сказать.

— Да... онъ вѣдь слыветъ однимъ изъ самыхъ способныхъ людей въ палатѣ.

— Весьма возможно. Въ царствѣ слѣпыхъ кривые—короли. Всѣ эти люди, видите ли, ничтожны потому, что у нихъ умъ въ тискахъ между деньгами и политикой. Это невѣжды, mon cher, съ которыми невозможно разговаривать ни о чемъ такомъ, что мы любимъ. Ихъ умъ поверхностенъ или, вѣрнѣе сказать, загрязненъ, какъ Сена въ Анверѣ. Ахъ! какъ трудно найти человека съ многостороннимъ умомъ, мысли котораго возбуждаютъ въ васъ такое же ощущеніе необъятной шири, какое испытываешь на берегу моря. Я знавалъ такихъ людей. Они умерли.

Норберъ де-Вареннъ говорилъ звучнымъ, но сдержаннымъ голосомъ, который звенѣлъ бы среди безмолвія ночи, еслибы только онъ далъ ему волю. Онъ казался возбужденнымъ и печальнымъ; онъ испытывалъ ту грусть, какая иногда овладѣваетъ душой и заставляетъ ее звенѣть, какъ звенить земля, окованная льдомъ!

Онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, не все ли равно немного больше ума или немного меньше, если всему наступаетъ конецъ.

Онъ умолкъ. Дюруа, у котораго было весело на сердцѣ, сказалъ, улыбаясь:

— Вы сегодня мрачно настроены, cher maître.

Поэтъ отвѣчалъ:

— Я всегда такъ настроенъ, мое дитя, и черезъ нѣсколько лѣтъ то же самое будетъ и съ вами. Жизнь—холмъ. Пока взбираешься на верхъ, глядишь на верхушку и чувствуешь себя счастливымъ, но когда доберешься до вершины, то вдругъ увидишь, что приходится спускаться, а внизу ждетъ смерть. Взбираешься наверхъ тихо, а спускаешься очень быстро. Въ ваши годы человекъ радостно смотритъ на жизнь. Онъ ждетъ отъ нея такъ много вещей, которыхъ, впрочемъ, никогда не получить. Въ мои годы уже ничего не ждешь, ничего, кромѣ смерти.

Дюруа засмѣялся:

— Брр... меня бросаетъ въ дрожь отъ вашихъ словъ.